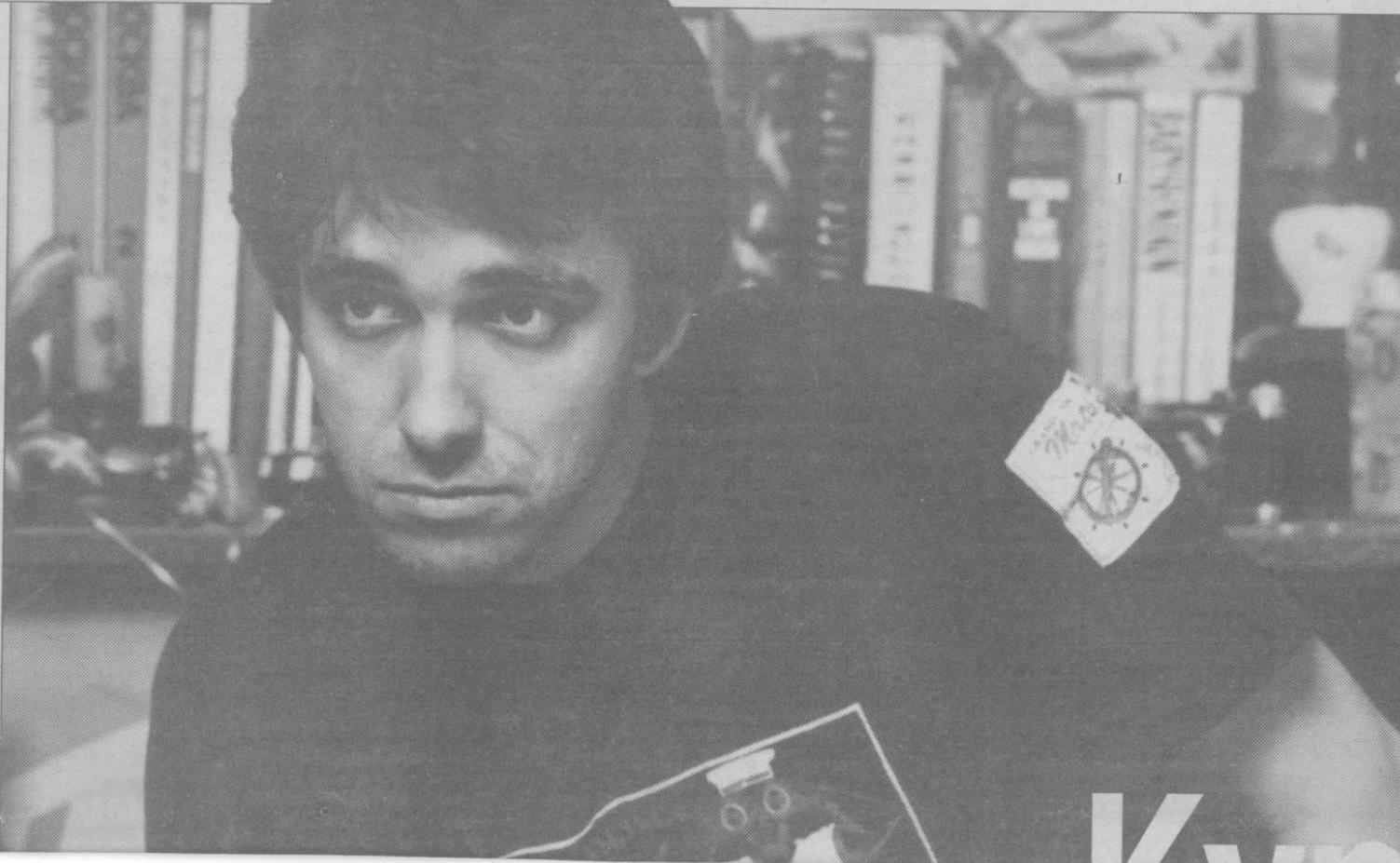

В субботу "Воскресный выпуск" вместе со съемочной группой студии кабельного телевидения "Перово" побывал в гостях у кабаре-дюэта "Академия". Лолиту и Сашу в домашней обстановке зрители 12 московских студий кабельного телевидения смогут в выходные увидеть в очередном видео-приложении к "Воскресному выпуску". А наши читатели найдут интервью с кабаре-дюэтом "Академия" в ближайших номерах.

узыкант, актер, шоумен Сергей Курехин — фигура сколь привлекательная для публики, столь и пугающая для журналистов. Никто не может похвастаться "эксклюзивом" этого человека, обманывающего с обаятельнейшей улыбкой. Обманчиво все — от внешности (он много лет выглядит на 30) до удовольствия, с каким он вляет дурака в глазах окружающих. Курехин умеет с обезоруживающей правдивостью в нечеловечески сияющих глазах развить любую самую фантастическую теорию (всем памятна его блестящая импровизация на пару с Сергеем Шолоховым о том, что Ленин был грибом). Его музыка, от которой морщатся профессионалы, звучит

6

Курехин сегодня мрачен

Приключения
памперсов в России

Какие книги
крадут из магазинов

Анна Ахматова
и студенты

Фото Валерия Плотникова

ВОСКРЕСНЫЙ
ВЫПУСК "МН": **4** ГАЗЕТЫ
В ОДНОЙ

ПОДПИСАВШИСЬ НА "МН", ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ ВОСКРЕСНЫЙ ВЫПУСК И "МН КОЛЛЕКЦИЮ" АВТОМАТИЧЕСКИ

Будущее: наука, техника

- Сколько нужно денег?
- В 2050 году на Земле появятся домашние роботы и таблетки для ума. Зато внушения мыслей на расстоянии, похоже, ждать не приходится.

Специальный выпуск "Коллекции-Г",
приуроченный к выставке "Банки-95",
- на цветной вкладке

сегодня

Мир путешествий

- В какой столице купить квартиру?
- Автостоп жив
- С шоколадом на Северный полюс

Ближайший выпуск "Коллекции-Т" -
на следующей неделе

Здоровье

- Гепатит наступает на страну
- Если молоко не по карману
- Лучшие врачи России

Специальный выпуск "Коллекции-Н"
ко Всемирному дню здоровья
выйдет

в начале апреля

Д

(Окончание. Начало на стр. 1)
ва года под разными вежливыми
предлогами вы отказывали мне в ин-
тервью...

— Дело в том, что вы тогда попали
в период, когда общение с прессой
вызывало у меня отвращение. Это не
касается вас, вы не подумайте!

— Так что изменилось?

— Просто у меня произошел
взрыв социальной активности, про-
стите за пошлое словечко, где-то в сентябре
идет до сих пор. Но я чувствую, что он идет
на убыль, и очередной раз я постараюсь быть
еще более молчаливым.

— Значит, это последнее интервью?

— Близко к этому. Потому что мне это все
внушает отвращение своей бессмыслен-
ностью. Мне во всем нравится видеть какой-
то смысл, зачем что-то делается. Давать ин-
тервью — это значит говорить о чем-то. Что-
бы что-то говорить, надо что-то хотеть сказа-
ть. Поэтому когда не хочешь ничего сказать,
а говоришь, это бессмысленно.

— Мне кажется, вы человек, не реализован-
ный до конца ни в одной из своих богатых
ипостасей: как бы композитор, как бы шоу-
мен, как бы актер... Вас это не угнетает?

— Наоборот, мне это доставляет огромное
удовольствие. Если взглянуть с точки зрения
традиционного искусства, то да, действитель-
но. А с другой стороны, потихонечку функци-
онируя во всех этих областях, в определен-
ный момент можно будет сказать, что реали-
зовал себя во всех, вместе взятых. Потом, это
зависит от того, чего хотеть. Я совершенно
не хочу быть актером, просто интересно было
проверить кое-какие вещи для себя, что я смогу
делать перед камерой, что не смогу. И во
всех областях то же самое. Ко всему надо при-
лагать критерий, соответствующий какому-
то явлению, а не проецировать критерии из
другой области. На меня нельзя смотреть с
традиционной точки зрения как на актера, ре-
жиссера или кого-то еще, потому что это все
неверно. Надо смотреть с другой точки зре-
ния...

— С какой?

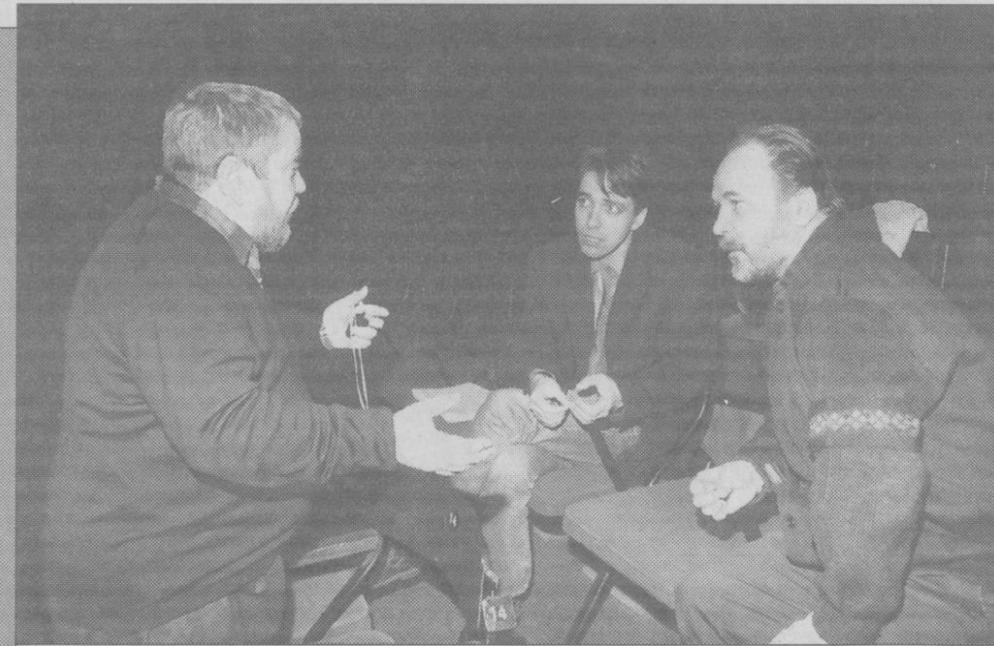
— А вот я вам не скажу! Я вообще к иску-
ству отношусь сугубо отрицательно, для меня
это полная бессмыслица и пустая траты време-
ни. С этой точки зрения у меня даже мыс-
ли не возникает реализоваться.

— Это у вас новое ощущение или вы с ним
давно живете?

— Нет, уже довольно давно.

Курехин сегодня мрачен

На репетиции "Чайки". Сергей Соловьев, Сергей Курехин, Николай Губенко.

Это находится в стадии разработки. Как толь-
ко все это во мне уляжется, как только можно
будет об этом говорить, это примет такую
уродливую форму, я вам обещаю, в словес-
ном выражении... Будет построена вербаль-
ная конструкция, которая внутренне будет со-
ответствовать, но будет выражена нетриви-
ально.

— Музыка для кино и концерты. Это ос-
нова моего финансового существования. Но
это имеет отношение к жизни, а к мышлению
имеют отношение совершенно другие вещи.

— Вы — одинокий человек? Я имею в виду
не в бытовом смысле, конечно...

Я не проживаю в обществе по бытию...

мают как "уже слышанную". Как вы к этому
относитесь?

— Положительно. Я этого добивался дав-
но, и у меня было ощущение очень важное,
которое я старался передать, — это когда че-
ловек слышит, скажем, вальс и говорит: "Ой,
черт, знакомо, где я это слышал?" Он никогда
не вспомнит этот вальс, потому что его при-
думал я, но ощущение ранее слышанного и
хорошо знакомого должно присутствовать.
Иначе я не смогу передать стиль. Сейчас я пи-
сал музыку к фильму Виктора Сергеева — там
нужно было передать очень простую мелодию.
Мне кажется, получилось удачно — все гово-
рят, что они ее слышали, но никто не может
сказать где. Я провозился с ней очень долго,
месяц эту мелодию вынашивал и продумывал,
как ее сделать. Она состоит из элементов,
которые хорошо знакомы — не то что они отку-
да-то, но по структуре своей очень многое напо-
минают. Потому что если писать просто
музыку саму по себе, помогающую какой-то
сцене, то она становится никакой и сама по
себе существует как нечто, не несущее за со-
бой никакого стиля. Поскольку это все-таки
киноМУЗЫКА (когда я пишу другую музыку, она
принципиально отличается), то мне очень важ-
но, чтобы она несла в себе элемент внемузы-
кальный. Не музыка сама по себе, как харак-
тер, а чтобы еще цепляла какую-то область
жизни или воспоминаний и давала бы еще
одно дополнительное измерение.

— Насколько вы себя ощущаете модным че-
ловеком?

— Модный человек — это человек, на ко-
торого обращают внимание средства массо-
вой информации, которого можно часто ви-
деть по ТВ...

— Который является неким знаком. Его
присутствие или отсутствие становится неким
знаком.

— Я стараюсь от этого уйти, как только
чувствую, что это становится возможно. До
сих пор мне это удавалось. Сейчас, например,
я чувствую наплыв — из Москвы очень мно-
го предложений что-то устроить, что-нибудь
сделать. Я постараюсь этого избегнуть, по-
тому что для меня это уже неинтересно. А
если мне нужно будет выступить, я выступлю
в Ленинграде.

— Не первый раз я от вас слышу "гоненье
на Москву", которое вообще присуще питер-
цам. Вас Москва раздражает?

— Наоборот! Я же москвич, как она мож-
ет меня раздражать? Я вырос в Москве.
Просто я сорванец по кинематографу в себе.

— Такую бессмыслицу всех этих занятий, вы тем не менее в них участвуете. Для чего?

— Когда я начну говорить, я буду говорить банальные вещи, ничего? Поскольку я лингвист, меня всегда интересовало функционирование языка, а язык искусства наиболее странный, наилучше соответствует моему принципу делать ложные заключения из верных предпосылок. Поэтому это язык, который достаточно для меня интересен. Я всегда очень интересуюсь тем, что в языке происходит, и всегда мне это доставляет радость, если я чувствую, где происходит разрушение логики.

— Вы пускаете в народ ложные вещи, они обрастают слухами, живут самостоятельной жизнью... Вы мистификатор?

— Я называю это созданием новой мифологии. Она подчинена совершенно конкретной цели и работает в одну точку. Другое дело, что она еще как бы не выражена, точка не ясна, но она подчинена какому-то внутреннему смыслу.

— Когда эта мифология становится общим местом, все ее признают, вам же все время приходится поворачиваться-выворачиваться, чтобы придумывать что-то новое. Куда сейчас были вывернулись? Сейчас все разговаривают, как вы...

— Я знаю, конечно, я прекрасно это чувствую. Теперь нужна позитивная идея, которую я в себе вынашиваю. Знаете, как происходит в русских народных сказках — сначала окропи мертвый водой, чтобы все срослось, потом живой. Нельзя сразу окропить живой водой, будет слишком сильный удар. Это остатки постмодернизма, я прошу прощения, я еще как бы делаю себе скидку, но в определенный момент я почувствую, когда нужно прекратить, и прекращу. Для меня самое главное сейчас, самое интересное — идея государства. Все остальное для меня ушло на второй план.

Последние годы я большой акцент делал на эротический элемент — все, что связано с Эросом. Меня же все явления интересуют на уровне эстетики. Сейчас я в этих идеях надобности уже не ощущаю. Это мне совершенно ясно и малоинтересно. Поэтому меня интересует только идея государства. Все, что я читаю, думаю, что я буду делать, будет подчинено идеи государства в позитивном ее выражении.

— В чем эта идея?

— Я пока занимаюсь накоплением в себе традиционных вещей: дуализм государства, дуализм функций его возникновения... В этом мало интереса для интервью, честное слово!

циональными словами...

— Вы сказали, что изжигаете постмодернизм.

— Я считаю, что я уже изжил. Это просто остатки лексики.

— Вы считаете, что это явление конечно?

— Постмодернизм? Он выполнил свою функцию. Он был необходим, вполне естественен. Сейчас это вызывает тихий ужас, особенно в искусстве — его так много! Две вещи сейчас надо выбросить из искусства — постмодернизм и сталинскую тему. Она просто начинает вызывать раздражение. Такое ощущение, что все подсознательно чувствуют, что это была идеальная модель государства и как бы ассоциируют сталинизм с эстетикой. Я посмотрел фильм Никиты Михалкова — опять любовная история проходит на фоне эстетики сталинизма. Любование сильным централизованным государством, и от этого никуда не деться. Даже те люди, которые ругают это, которые это не приемлют, находятся под влиянием этой эстетики. "Серп и молот" я посмотрел... Любой фильм, в котором появляется сталинская эстетика, у меня вызывает просто недоумение. От этого надо избавиться, это просто необходимо, потому что это очень тяготит развитие, подсознательно это сидит в людях и тяготит.

— Я вас правильно поняла, что увлечение сталинской эстетикой вызывает у вас раздражение?

— Немного не так. Эстетика сильного государства — это эстетика красивого государства. Обратите внимание — мундиры, вождь... сталинская эстетика — сложившаяся, замкнутая в себе — дала полностью свой идеал, свой символ. О ней можно писать книги, изучать отдельно как существующее независимо от всего явления... Я говорю о том, что, пока будет происходить любование сталинской системой, сталинским государством, эстетикой тоталитаризма, у людей не появится возможность конструировать внутри себя идею другого государства, с другими законами, другой основой, другим базисом, другой идеологией, другим смыслом... со всем другим. Бессмыслица будет продолжаться до тех пор, пока идеологическая основа не сменится.

— Вы пытаетесь понять это для себя или постараитесь найти этому применение?

— Нет, мне это нравится, это для меня игра. Я не пытаюсь для себя что-то уяснить. Мне и так все ясно. Для меня это просто игра с материалом. Я называю это своей работой. Работой люди называют разные вещи...

— В частности, то, что приносит деньги. А что вам их приносит?

— У меня есть семья, которую я с любовью троих детей, сейчас еще внук родился, так что у меня семейных забот хватает. Дома я чувствую себя очень комфортно и самодостаточно. У меня есть несколько друзей, то есть люди, с которыми я чаще всего общаюсь, либо мы выпиваем, либо просто болтаем, то есть общение с которыми доставляет мне большое удовольствие. Но я спокойно могу быть один. Общение может быть, а может не быть. А потом, я книги очень люблю. Я с детства читаю книги, и мне это заменяло многое раньше, и сейчас заменяет до сих пор. Я лучше перечитаю Стерна, чем пойду на вечеринку.

— Вас не огорчает то, что вы как бы законсервировались в образе мальчика и никто вас взрослым человеком, тем более дедом не воспринимает? Вы как бы живете не в своей взрастной плоскости...

— Может быть, да... Мне нравится, что происходит некоторая неадекватность. Мне очень нравится, что внешность не соответствует тому, кем я хочу быть. Я максимально это культивирую и стараюсь, чтобы отрыв был еще больше. Потому что когда многие говорят: "Курехин — ну, это поп-музыка, это поп-музыкант", это такие вещи, которые мне так нравятся! Я постараюсь скоро вообще походить на такого попсового персонажа. Тем больше будет несоответствие, когда я буду излагать кое-какие вещи, будет просто невозможно идентифицировать одно с другим.

— Вас позабавило, что вас назвали поп-музыкантом. Вы себя сами как-то определяете?

— Нет! Я себя определял до последнего времени — я себя называл в шутку психоаналитиком. И даже не в шутку. И когда меня спрашивали по поводу кинематографа, почему я работаю с режиссерами, причем с разными и совсем отличными друг от друга, я всегда говорил о том, что для меня режиссеры — это пациенты, я как врач. Мне всегда интересно было узнать, что заставляет этих людей снимать кино, потому что это само по себе явление нездоровое — желание снимать кино.

— Надо ли расценивать вашу музыку к фильмам как диагноз?

— Нет, конечно! Я честно стараюсь помочь режиссеру. Можно сказать, что у меня нет собственного творческого лица, я только рад буду, если так скажут. Я наоборот стараюсь поддержать идею режиссера и максимально воплотить ее в жизнь, потому что у меня нет своих собственных идей в искусстве и быть не может, поскольку это область, которая меня не совсем интересует.

— Вашу киномузыку тоже часто восприни-

мают как нечто, которое не нравится, я хочу говорить "Ленинград" — город, у которого пять имен, не имеет подлинного имени.

— Так в чем разница между Питером и Москвой?

— Мне нравится, когда город постоянно умирает, потом происходит какой-то ждкий всплеск, а потом он продолжает умирать. Иногда бывают всплески длительные, иногда — очень коротенькие, но Ленинград будет всегда давать всплески. Москва всплесков не дает, в Москве другой закон жизни. Там все идет на пределе — на кульминации, на динамике, на экспрессии, на деньгах... И идет на ровном, очень высоком, очень уверенном уровне. Невозможно развитие, если вы находитесь все время на вершине эмоций, экспрессии. Развитие возможно тогда, когда все это идет вяло, вяло, а потом — раз! — есть куда скакнуть.

— Люди от вас всегда ждут, что вы сейчас начнете искрить, шутить, обманывать... Вам не надоело все время включаться в это ожидание?

— Нет, нормально. С другой стороны, я не оправдываю этих ожиданий. Тем не менее я поддерживаю уверенность, что это должно произойти. Это стимулирует творческий процесс, желание работать.

— Вы мрачный человек по натуре?

— Нет, очень веселый. По-моему. Это вам я дал мрачное интервью. Была такая задача внутренняя. Обычно я таких вещей не говорю — вы же понимаете, что у меня означаемое оторвано от означающего и то, что я говорю, не имеет ко мне никакого отношения. И то, что я вам говорил сегодня, я не только не чувствую, и не думаю. Просто рождается какая-то тема, потом мне очень важны слова. Вы же не можете судить о том, что у меня происходит внутри, потому что я говорю разные вещи. Непонятно будет, сегодня я говорил правду или нет. Я встречался недавно с астрологом, и он мне рассказал несколько популярных брошюр на тему того, что я Близнец, и из этого дуализма мне никак не выйти. С его точки зрения, все верно. Но можно выработать другую точку зрения, и то, что он говорил, будет предельной ошибкой. Близнецы на самом деле совсем другие. То, что они говорят, верно только на начальной стадии, до того момента, когда Близнец начнет это понимать сам. А потом есть область интимного, которую я очень ценою и в себе культивирую. Оно невыразимо и престанет быть интимным, если я начну о нем говорить. Есть вещи для меня важные. А говорить можно все что угодно.

Елена ВЕСЕЛАЯ

иностранцы. Как бы композитор, как бы поют, как бы актер... Вас это не угнетает?

— Наоборот, мне это доставляет огромное удовольствие. Если взглянуть с точки зрения традиционного искусства, то да, действительно. А с другой стороны, потихонечку функционируя во всех этих областях, в определенный момент можно будет сказать, что реализовал себя во всех, вместе взятых. Потом, это зависит от того, чего хотеть. Я совершенно не хочу быть актером, просто интересно было проверить кое-какие вещи для себя, что я смогу делать перед камерой, что не смогу. И во всех областях то же самое. Ко всему надо прилагать критерий, соответствующий какому-то явлению, а не проецировать критерии из другой области. На меня нельзя смотреть с традиционной точки зрения как на актера, режиссера или кого-то еще, потому что это все неверно. Надо смотреть с другой точки зрения...

— С какой?

— А вот я вам не скажу! Я вообще к искусству отношусь сугубо отрицательно, для меня это полная бессмыслица и пустая трата времени. С этой точки зрения у меня даже мысли не возникает реализоваться.

— Это у вас новое ощущение или вы с ним давно живете?

— Нет, уже довольно давно.

— Зная сугубую бессмыслицу всех этих занятий, вы тем не менее в них участвуете. Для чего?

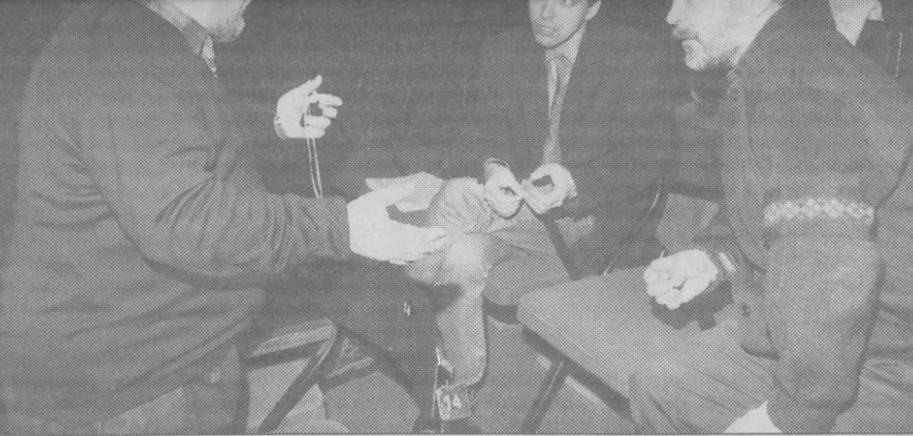
— Когда я начну говорить, я буду говорить банальные вещи, ничего? Поскольку я лингвист, меня всегда интересовало функционирование языка, а язык искусства наиболее странный, наиболее соответствует моему принципу делать ложные заключения из верных предпосылок. Поэтому это язык, который достаточно для меня интересен. Я всегда очень интересуюсь тем, что в языке происходит, и всегда мне это доставляет радость, если я чувствую, где происходит разрушение логики.

— Вы пускаете в народ ложные вещи, они обрастают слухами, живут самостоятельной жизнью... Вы мистификатор?

— Я называю это созданием новой мифологии. Она подчинена совершенно конкретной цели и работает в одну точку. Другое дело, что она еще как бы не выражена, точка неясна, но она подчинена какому-то внутреннему смыслу.

— Когда эта мифология становится общим местом, все ее признают, вам же все время приходится поворачиваться-выворачиваться, чтобы придумывать что-то новое. Куда сейчас бы вы вывернулись? Сейчас все разговаривают, как вы...

— Я знаю, конечно, я прекрасно это чувствую. Теперь нужна позитивная идея, которую я в себе вынашиваю. Знаете, как происходит в русских народных сказках — сначала окропили мертвый водой, чтобы все срослось, потом живой. Нельзя сразу окропить живой водой, будет слишком сильный удар. Это остатки постмодернизма... я пропути пропущения... я еще

На репетиции "Чайки". Сергей Соловьев, Сергей Курехин, Николай Губенко.

Это находится в стадии разработки. Как только все это во мне уляжется, как только можно будет об этом говорить, это примет такую уродливую форму, я вам обещаю, в словесном выражении... Будет построена вербальная конструкция, которая внутренне будет соответствовать, но будет выражена нетрадиционными словами...

— Вы сказали, что изживаете постмодернизм.

— Я считаю, что я уже изжил. Это просто остатки лексики.

— Вы считаете, что это явление конечное?

— Постмодернизм? Он выполнил свою функцию. Он был необходим, вполне естественен. Сейчас это вызывает тихий ужас, особенно в искусстве — его так много! Две вещи сейчас надо выбросить из искусства — постмодернизм и сталинскую тему. Она просто начинает вызывать раздражение. Такое ощущение, что все подсознательно чувствуют, что это была идеальная модель государства и как бы ассоциируют сталинизм с эстетикой. Я посмотрел фильм Никиты Михалкова — опять любовная история проходит на фоне эстетики сталинизма. Любование сильным централизованным государством, и от этого никуда не деться. Даже те люди, которые ругают это, которые это не приемлют, находятся под влиянием этой эстетики. "Серп и молот" я посмотрел... Любой фильм, в котором появляется сталинская эстетика, у меня вызывает просто недоумение. От этого надо избавиться, это просто необходимо, потому что это очень тяготит развитие, подсознательно это сидит в людях и тяготит.

— Я вас правильно поняла, что увлечение сталинской эстетикой вызывает у вас раздражение?

— Немного не так. Эстетика сильного государства — это эстетика красивого государства. Обратите внимание — мундиры, вождь... сталинская эстетика — сложившаяся, замкнутая в себе — дала полностью свой идеал, свой символ. Оней можно писать кни-

— Музыка для кино и концерты. Это основа моего финансового существования. Но это имеет отношение к жизни, а к мышлению имеют отношение совершенно другие вещи.

— Вы — одинокий человек? Я имею в виду не в бытовом смысле, конечно...

— Я не нуждаюсь в общении по большому счету. У меня есть семья, которую я очень люблю, трое детей, сейчас еще внук родился, так что у меня семейных забот хватает. Дома я чувствую себя очень комфортно и самодостаточно. У меня есть несколько друзей, то есть люди, с которыми я чаще всего общаюсь, либо мы выпиваем, либо просто болтаем, то есть общение с которыми доставляет мне большое удовольствие. Но я спокойно могу быть один. Общение может быть, а может не быть. А потом, я книги очень люблю. Я с детства читаю книги, и мне это заменяло многое раньше, и сейчас заменяет до сих пор. Я лучше перечитаю Стерна, чем пойду на вечеринку.

— Вас не огорчает то, что вы как бы законсервировались в образе мальчика и никто вас взрослым человеком, тем более дедом не воспринимает? Вы как бы живете не в своей взрастной плоскости...

— Может быть, да... Мне нравится, что происходит некоторая неадекватность. Мне очень нравится, что внешность не соответствует тому, кем я хочу быть. Я максимально это культурирую и стараюсь, чтобы отрыв был еще больше. Потому что когда многие говорят: "Курехин — ну, это поп-музыка, это поп-музыкант", это такие вещи, которые мне так нравятся! Я постараюсь скоро вообще походить на такого попсового персонажа. Тем больше будет несоответствие, когда я буду излагать кое-какие вещи, будет просто невозможно идентифицировать одно с другим.

— Вас позабавило, что вас назвали поп-музыкантом. Вы себя сами как-то определяете?

— Нет! Я себя определял до последнего времени — я себя называл в шутку психоаналитиком. И даже не в шутку. И когда меня

говорят, чтобы я был поп-музыкантом, чтобы она несла в себе элемент внемузыкальный. Не музыка сама по себе, как характер, а чтобы еще цепляла какую-то область жизни или воспоминаний и давала бы еще одно дополнительное измерение.

— Насколько вы себя ощущаете модным человеком?

— Модный человек — это человек, на которого обращают внимание средства массовой информации, которого можно часто видеть по ТВ...

— Который является неким знаком. Его присутствие или отсутствие становится неким знаком.

— Я стараюсь от этого уйти, как только чувствую, что это становится возможно. До сих пор мне это удавалось. Сейчас, например, я чувствую наплыв — из Москвы очень много предложений что-то устроить, что-нибудь сделать. Я постараюсь этого избегнуть, потому что для меня это уже неинтересно. А если мне нужно будет выступить, я выступлю в Ленинграде.

— Не первый раз я от вас слышу "гоненье на Москву", которое вообще присуще питерцам. Вас Москва раздражает?

— Наоборот! Я же москвич, как она может меня раздражать? Я вырос в Москве. Просто я сознательно культурирую в себе Петербург, хотя мне это не нравится, я хочу говорить "Ленинград" — город, у которого пять имен, не имеет подлинного имени.

— Так в чем разница между Питером и Москвой?

— Мне нравится, когда город постоянно умирает, потом происходит какой-то жидкий всплеск, а потом он продолжает умирать. Иногда бывают всплески длительные, иногда — очень коротенькие, но Ленинград будет всегда давать всплески. Москва всплесков не дает, в Москве другой закон жизни. Там все идет на пределе — на кульминации, на динамике, на экспрессии, на деньгах... И идет на ровном, очень высоком, очень уверенном уровне. Невозможно развитие, если вы находитесь все время на вершине эмоций, экспрессии. Развитие возможно тогда, когда все это идет вяло, вяло, а потом — раз! — есть куда скакнуть.

— Люди от вас всегда ждут, что вы сейчас начнете искрить, щуптить, обманывать... Вам не надоело все время включаться в это ожидание?

— Нет, нормально. С другой стороны, я не оправдываю этих ожиданий. Тем не менее я поддерживаю уверенность, что это должно произойти. Это стимулирует творческий процесс, желание работать.

— Вы мрачный человек по натуре?

— Нет, очень веселый. По-моему. Это вам я дал мрачное интервью. Была такая задача внутренняя. Обычно я таких вещей не говорю — вы же понимаете, что у меня означаемое оторвано от означающего и то, что я говорю, не имеет ко мне никакого отношения. И то, что я вам говорил сегодня, я не только не чувствую, но и не знаю. Просто энтузиазм, иск